

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Г. В. Жданова

Кафедра философии естественных факультетов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, Москва, Россия, 119992

В статье рассматриваются основные воззрения идейно-политических течений русского зарубежья XX столетия. Автор показывает главные принципы основных течений, функционировавших в то время. В работе представлены сходства и различия основных идей сменовеховства, евразийства, «Молодой России» и «Нового града».

Ключевые слова: политика, культура, интеллигенция, эмиграция, евразийство, сменовеховство.

В общественно-политической жизни Русского Зарубежья сформировались новые идейно-политические течения со своими особыми программами: сменовеховство, евразийство, «Молодая Россия» (младороссы) и новоградцы. В прошлом их представители принадлежали к различным политическим партиям, но, оказавшись вдали от родины, они под влиянием реалий жизни, прежде всего тех изменений, которые происходили в России по мере укрепления ее позиций на международной арене, на основе общей эмигрантской судьбы переосмысливали происшедшее и изменили отношение к своему отечеству.

Эти течения были представлены в основном научной и творческой интеллигенцией. В центре их внимания были проблемы, относящиеся к судьбам России, ее прошлому, настоящему и будущему. Для них были характерны идеализация дореволюционной России с ее национальными традициями, абсолютизация государственности, неприятие западноевропейской политической системы, признание особых закономерностей, путей и исторических судеб России.

Свое название **сменовеховство** получило от названия журнала «Смена веж», выходившего с 1921 г. в Праге. Кроме журнала сменовеховцы издавали ряд газет. Среди них «Накануне» (Германия), «Новый путь» (Латвия), «Новости жизни» (Китай) и др. Идеологами сменовеховства стали участники белого движения: бывший министр иностранных дел в Омском правительстве адмирала Колчака — про-

фессор Ю. Ключников, заведующий пропагандистским отделом того же колчаковского правительства Н. Устрялов, октябрист и сподвижник генерала Деникина А. Бобрищев-Пушкин, члены кадетской партии Ю. Потехин и С. Чахотин. Главный смысл идеологии сменовеховства — общность судьбы русской эмиграции и России, хотя и советской, большевистской; сотрудничество с новой властью во имя возрождения России и превращения ее в великую державу.

Выдвижение такой цели требовало пересмотра прежних идейно-политических взглядов, открытого признания своих ошибок и возвращения на родину. Идеино-политическая платформа нового направления в общественно-политической жизни эмиграции (сменовеховства) была изложена в журнале «Смена вех». В его первом номере были опубликованы статьи бывших видных кадетов и октябристов.

Сменовеховцы подвергли резкой критике тех политических деятелей в эмиграции, которые еще не отказались от планов вооруженной борьбы с Советской Россией. В то же время происходит разрыв идеологов сменовеховства с партией кадетов. Они отказались от «новой тактики» П.Н. Милюкова, создания каких-либо блоков для борьбы с советской властью и призывали к примирению с большевизмом. Их взгляды были озвучены профессором Ю. Ключниковым в июле 1921 г. на заседании парижской группы партии кадетов. Ю. Ключников сделал вывод: ввиду того, что русский антибольшевизм жестоко ошибся в оценке происходивших в России событий и ввиду того, что придерживаться признания борьбы с советской властью — значит до бесконечности затягивать мирное строительство, необходимо со всей определенностью заявить о том, что наступила пора прекратить призывы к борьбе с Советской Россией. По мнению Ключникова, многое из того, что делается ею, вполне согласуется с национальными интересами России и интересами международного прогресса.

Появление сменовеховской идеологии в интеллигентской среде русской эмиграции было связано прежде всего с переходом Советского государства в 1921 г. к новой экономической политике. Переход от «военного коммунизма» к НЭПу с его частным предпринимательством, свободой торговли, привлечением иностранных инвестиций в развитие экономики породили среди буржуазной интеллигенции надежды на перерождение советского экономического и социально-политического строя. И все же идеологию сменовеховства нельзя рассматривать только как идеологию перерождения большевизма в либерально-буржуазный режим, хотя этого и нельзя отрицать. В сменовеховстве проявилось также стремление патриотической части эмигрантской интеллигенции к сотрудничеству с советской властью во имя возрождения и укрепления России. Сменовеховцы понимали, что большевики сохранили целостность России, спасли ее от анархии и развала, защитили государственность, и призывали своих соотечественников, оказавшихся за границей, к тому, чтобы поддержать новую власть в России, бороться с какими-либо попытками дезорганизации и развала государства. «Умыть руки, отойти в сторону, — говорил С. Чахотин, — нельзя. Это, конечно, легче всего, но это преступление перед родиной. Надо участвовать в поддержке России, надо всем выручать ее, облегчить ей путь прогресса, мира и благосостояния» [8. С. 155].

Сменовеховцы признали большевистский режим и отказались от борьбы с ним. Они приветствовали усилия коммунистической партии по возрождению России, объединению распавшейся Российской империи в единое государство и повышению его авторитета на международной арене. Находясь за пределами России, сменовеховцы оставались истинными патриотами своей родины и вполне искренне хотели помочь ей в условиях мирового хозяйственного и культурного строительства.

Евразийство как идейно-политическое течение сформировалось в начале 20-х гг. XX столетия в Русском Зарубежье. Большинство современных исследователей дату возникновения евразийства связывают с появлением в августе 1921 г. в Софии коллективного труда основоположников нового идейного течения общественно-политической мысли под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев».

Сам термин «евразийство» и основы нетрадиционного акцента в анализе исторического развития России, новые проекты ее преобразования — обо всем этом говорилось в данном сборнике. Название течения происходит от географического наименования континента «Евразия». Это название было предложено П.Н. Савицким и связано со стремлением евразийцев объяснить историческое и культурное своеобразие, особый путь России из особенностей ее «местоположения» и «месторазвития».

Среди основоположников евразийства современные авторы выделяют прежде всего филолога Н.С. Трубецкого (1890—1938) как духовного лидера евразийского движения; в качестве второй фигуры отмечают П.Н. Савицкого (1895—1968). Это был блестящий экономист, географ, историк, культуролог, дипломат, свободно владевший шестью европейскими языками. В число создателей евразийской концепции также входит выдающийся искусствовед, теоретик музыки, эстетик, публицист П.П. Сувчинский (1892—1985) и видный религиозный мыслитель, философ, ученый Г.В. Флоровский (1893—1979).

Имя священника А.А. Ливена (отца Андрея) не значится среди авторов первого евразийского сборника «Исход к Востоку...». Между тем, как отмечает Р.А. Урханова, он принимал активное участие в его организации [10. С. 120]. В евразийское движение входили философы и публицисты Л.П. Карсавин, В.Н. Ильин, Б.Н. Ширяев, А.В. Карташев, историки и литературоведы Г.В. Вернадский, Д.П. Святополк-Мирский, В.П. Никитин, писатели В.Н. Иванов, Э. Хара-Даван, правовед Н.Н. Алексеев, востоковеды Я.А. Бломберг, Н.П. Толь и многие другие исследователи. Некоторое время движение поддерживали известный культуролог П.М. Бицилли и один из крупнейших русских философов С.Л. Франк.

Основные взгляды евразийцев на общественно-политическое и социально-экономическое развитие России были изложены в их программе 1927 г. [4. С. 217—229]. В соответствии с этой программой России отводилось особое место и роль в мировом развитии. В программе и публицистических работах евразийцев обособивались исторические перспективы России.

Исходя из исторически сложившегося Российского государства в пределах Евразии, они предсказывали ему особый, самобытный путь развития, отличный

и от Европы, и от Азии. Для них был неприемлем ни западный капитализм, ни ортодоксальный социализм большевиков. Они отрицали капитализм из-за того, что он душит «духовное начало жизни», приводит к дифференциации и нравственному перерождению общества. В основу будущего социально-экономического строя в России идеологи евразийства выдвигали «лично-хозяйственное начало». Возможности особого развития России евразийцы связывали с новой экономической политикой советской власти. Они видели противоречивый характер политики НЭПа, выразившейся, с одной стороны, в узкоклассовой большевистской идеологии, а, с другой стороны, — в отходе в практической хозяйственной деятельности к «общечеловеческим интересам». В этих условиях, по их мнению, задача государства состоит в том, чтобы, опираясь на возрожденную «антибуржуазность» русской нации, гарантировать общество от капиталистического перерождения [Там же. С. 219].

Евразийцы выступали за повышение роли государства в развитии экономики. Они открыто заявляли, что являются «сторонниками государственного регулирования и контроля хозяйственной жизни» [Там же. С. 225]. Такое ведение хозяйства, по их мнению, возможно в рамках единого государственного плана, причем плановость распространилась не только на государственные, но и на частные промышленные предприятия. В программе евразийцев было предусмотрено развитие крупной промышленности как материальной основы и их преобразований. Они считали, что советские экономисты правильно наметили экономическую стратегию, рассчитанную на индустриализацию страны. Единственное, что следовало бы сделать для совершенствования советской экономики в области промышленного производства, так это устранить засилие государственной монополии, скользящей лично-хозяйственное начало [Там же. С. 227].

В программу деятельности евразийцев были включены меры и по развитию сельского хозяйства. В их программе было четко записано: «Крестьянские хозяйства, самоопределяющиеся в пользу общинного порядка, остаются при существующем способе землепользования» [Там же. С. 229].

В отличие от ряда общественно-политических течений в русской эмиграции, евразийцы выступали за сохранение и развитие советской системы в качестве политической основы евразийской государственности. В их программе указывается, что советский строй является «единственно возможным строем России-Евразии» и необходимым условием устойчивого и организованного общества [Там же. С. 227].

Евразийцы были близки к большевикам в вопросе государственно-административного устройства высших органов законодательной и исполнительной власти Евразии. Не унитарный, а федеративный строй государства — так было сформулировано положение о государственном строе будущей многонациональной Евразии. Что касается высшей законодательной и исполнительной власти, то она должна принадлежать Всесоюзному съезду Советов, состоящему из Союзного Совета и Совета Национальностей, а в периоды между съездами — Центральному Исполнительному Комитету [Там же].

Создание новой государственности в России евразийцы связывали с образованием своей политической партии. «Осуществление этих целей, — говорится в программе, — должны взять на себя евразийцы, образовав Евразийскую партию для замены коммунистической в организационно-правительственном значении» [Там же. С. 220]. Причем эта партия по своей структуре и характеру деятельности должна быть такой же организованной, сплоченной и строго дисциплинированной, как и партия коммунистов. Именно такая партия, по мнению евразийцев, способна осуществлять преобразование общества. Идеологическую основу партии евразийцев, как и всего евразийского общества, должна составить вера в Бога. Они считали, что народные массы России-Евразии не мыслят жизни вне Бога, и поэтому отбрасывали атеизм коммунистов как противоречащий духовным основам русского народа. По их убеждению, власть, не признающая религии как основы культуры и быта, не может быть и не будет демократической властью России-Евразии.

Евразийцы не ставили вопроса о самоопределении наций, но они высказывались за предоставление автономий и охрану прав тех народов, которые не имели их на тот период в СССР. При этом оговаривалось, что начала автономии евразийцы отстаивают в советском, а не в европейском понимании. В программе евразийцев нашли отражение вопросы национальной культуры. Они выдвинули идею создания наднациональной (евразийской) культуры. Ее базу должна составлять культура русского народа, пополняемая элементами культур других народов Евразии, без каких-либо ограничений культур нерусских национальностей.

Такова была идейно-политическая платформа евразийства. Она принципиально отличалась от взглядов и позиций белой эмиграции, поскольку по своей социальной природе отражала настроения той части интеллигенции, которая, покинув Россию, была выбита из обычных социальных условий жизни и обречена в эмиграции на материальные лишения и постоянную ностальгию по Родине. Относясь к категории трудовой интеллигенции и находясь в тяжелом экономическом положении в буржуазном обществе, она критически относилась к капитализму и склонялась к признанию тех образований в Советской России, которые выражали интересы трудящихся масс. Евразийцы понимали, что к прошлому возврата нет и что Октябрьская революция 1917 г. — знак не только конца старой, но и рождение новой России. Именно такое понимание исторических процессов определило их совершенно иное, чем у белой эмиграции, отношение к Родине.

Со своеобразной идейно-политической платформой выступил Союз младороссов («Молодая Россия»). Его лидерами были А.Л. Казем-Бек, В.И. Лихачев, Н.Н. Лазаревский, В.И. Монигетти. Младороссы имели более 20 печатных изданий. Наиболее крупным из них был журнал «Оповещение Союза младороссов». В нем публиковались статьи по актуальным проблемам общественно-политической жизни эмиграции. С самого начала формирования Союз младороссов придерживался монархических взглядов, и сам великий князь Кирилл Владимирович, провозгласивший себя Российским императором, оказывал младороссам внимание и поддержку. Однако, в отличие от сторонников Романовской династии, они не верили в возможность ее восстановления и высказывались за такую

монархию, которая учитывала бы новые исторические условия, сложившиеся в Советской России. Младороссы утверждали, что будущая монархия, если она хочет быть действительно прочной, должна связать себя с новым творческим процессом новой национальной культуры, иначе она не избежит участи Бурбонов [6. С. 40]. Во главе такой монархии, по их мнению, мог бы быть Кирилл Владимирович, не исключавший при воцарении на российский престол возможности сохранения Советов в качестве политической основы будущей России.

Союз младороссов выступал за создание новой, так называемой «Молодой России». В качестве главной своей задачи младороссы выдвигали «объединение русской эмиграции со всей Россией». Эта задача была поставлена в октябре 1929 г. на их собрании в докладе В. Монигетти «Путь в Россию». Аргументируя свою позицию, он говорил: «Такое объединение необходимо в глазах всей Европы, чтобы придать значение нашим действиям, заставить считаться с ними, признать их и уже тогда только, если понадобится, и поддержать» [7. С. 44]. При этом В. Монигетти подчеркивал, что такой путь является самым верным, прямым и безболезненным способом достижения цели освобождения и восстановления России.

Для объединения эмиграции и внутренних сил России, стоявших на разных позициях, младороссы выдвинули идею создания в России новой социально-экономической системы, которая должна быть противопоставлена большевистской теории и практике государственного социализма. Они понимали, что идеи социализма «слишком прочно» вошли в сознание широких масс трудящихся и их нельзя побороть одной лишь критикой недостатков. К тому же, считали младороссы, «цели социализма «слишком прочно» вошли в сознание широких масс трудящихся и их нельзя побороть одной лишь критикой недостатков. К тому же, считали младороссы, «цели социализма сами по себе глубоко гуманны и заслуживают всякого уважения» [Там же. С. 46]. Единственное, что их не устраивало в советской социально-экономической системе, так это отрицание частной собственности и способы функционирования социализма, которые, по их мнению, «в корне противоречат самой натуре человека, никогда не будут приняты ею добровольно и неизбежно приведут к регрессу» [Там же. С. 44]. Разрабатывая новую модель социально-экономической системы, младороссы не отказывались от социалистической идеи, но они стремились к созданию такого способа производства, который давал бы трудящимся «неизмеримо больше и ранее», чем советская система социализма. Главный недостаток ее состоял в том, считали экономисты-младороссы, что при государственной собственности на средства производства заработная плата рабочих не всегда соответствовала их трудовым усилиям, что, естественно, сдерживало заинтересованность в общественном труде.

Младороссы отрицали и капиталистическое производство, видя в нем противоречия между трудом и капиталом. И при капитализме, утверждали они, рабочие не являются собственниками своих предприятий, трудятся только за зарплату независимо от их эффективности и поэтому не заинтересованы в развитии производства.

С целью преодоления противоречий в социалистическом и капиталистическом способах производства младороссы предлагали передать предприятия тру-

довым коллективам на основе «кооперативно-акционерной собственности». Лишь при такой производственной системе, по их мнению, трудящиеся освободятся от эксплуатации и станут подлинными хозяевами производства. Такая экономическая система стала бы реальной почвой для объединения эмиграции с советским обществом и рождения новой России.

Младороссы отвергали экстремистские формы борьбы с большевизмом. Для них были неприемлемы ни интервенция, ни восстания, ни какие-либо террористические акты против советской власти. Относительно интервенции младороссы считали, что она не будет поддержана европейскими государствами и самой эмиграцией. К тому же разговоры об интервенции вызывали яростное противодействие большинства населения России. Поэтому они приходили к выводу, что нужно «совершенно и окончательно отбросить мысль об интервенции» [Там же]. Что касается восстания и террористических актов, то в принципе их младороссы не отрицали. Они полагали, что восстания «могут иметь окончательный успех лишь в том случае, если бы они были строго согласованы и одушевлены одной общей идеей» [Там же]. Но поскольку ни в России, ни в эмиграции этого нет, то восстания неизбежно приведут к напрасному пролитию крови и дадут «повод к жестоким репрессиям».

Казалось бы, отношение младороссов к советской власти и большевизму в некоторой степени тождественно позиции сменовеховцев. Однако это не так. Сменовеховцы видели в большевиках творцов новой независимой и великой России и не помышляли о борьбе с большевистским режимом. Они готовы были признать его власть и положить свои силы, знания и опыт на алтарь Отечества. Младороссы же не отказывались от противостояния большевистской партии. Они рассматривали свой Союз как будущую политическую организацию в России, оппозиционно настроенную против партии большевиков. В 1934 г. в газете «Младоросская искра» была опубликована статья, в которой была провозглашена их политическая цель — превращение Союза «во вторую советскую партию, занимающую положение революционной оппозиции в отношении к партии правящей» [Там же]. Не отказались младороссы и от монархических настроений, между тем как сменовеховцы были лишены каких-либо симпатий к монархии.

Характеризуя в целом постреволюционные идейно-политические течения в Русском Зарубежье в 20—30-е гг. XX в., можно отметить их закономерное возникновение. Они, прежде всего, отрицали взгляды и психологию различных социальных слоев российской эмиграции. Это было особенно характерно в первые годы ее существования. В то время еще отчетливо сохранялось социально-классовое расслоение эмигрантского общества с многообразием идейно-политических взглядов и различным пониманием своего места и роли в историческом процессе. Но уже и тогда идейно-политическая ориентация общественных деятелей не всегда соответствовала их классовой принадлежности. Под влиянием же изменений, происходивших в Советской России, и с укреплением ее позиций на международной арене изменялось и общественное сознание значительной части эмиграции.

В ходе переосмысления исторического опыта большевизма и своего эмигрантского положения в ее среде побеждал здравый смысл над прежними клас-

совыми предрассудками и заблуждениями. Это касается всех эмигрантских общественно-политических течений, будь то сменовеховство, евразийство, Молодая Россия или новоградцы.

В 1931 г. в Париже видные русские обществоведы Г.П. Федотов (1886—1951), Ф.А. Степун (1884—1965) и И.И. Бунаков-Фондаминский (1881—1942) начали издавать журнал «Новый град». Организаторы этого журнала, также публиковавшие в нем свои статьи авторы, среди которых были такие именитые, как Н.А. Бердяев (1874—1948), Б.П. Вышеславцев (1877—1954), П.Н. Миллюков (1859—1943) и др., излагали свои представления о будущем социал-экономическом строе страны, о Новом Граде, который, как писал Г.П. Федотов, «должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам» [11. С. 5].

Воспринимая историю России как живую действительность, новоградцы искали продуктивного синтеза идей западничества и славянофильства, гармонии и взаимодействия общечеловеческих и национальных начал. И им удалось сформулировать яркую, самобытную концепцию обустройства будущей посткоммунистической России. По мнению новоградцев, большевистская власть падет и завтрашний день поставит перед Россией ясные и четкие задачи, уже сейчас зримые, для решения которых потребуются организованные усилия целой нации. Уже сейчас, отмечал Г.П. Федотов, мы можем и должны воспитывать себя и молодое поколение для этого национального дела [12. С. 408—409].

Подобную убежденность проявлял и Ф.А. Степун, веривший в то, что в России рано или поздно «ополчатся» против марксизма, так как людям неизбежно станет ясно — «марксизм вовсе не последнее слово культуры, а давно превзойденная развитием науки и жизни социологически-экономическая доктрина» и «все периоды хотя бы временного улучшения советской жизни... связаны с отступлением власти от марксистской доктрины, периоды же ее омрачения вплоть до осатанения — с возвратом к Марксу» [9. С. 22].

Новоградцы призывают объявить беспощадную борьбу со всеми доктринами и максималистами, чьим бы именем они не прикрывались. Обосновывая необходимость футуристических гипотез и концепций, вытекающую из посылки о неизбежном падении большевистского социализма, этого «хаоса государственно-капиталистической фабрики, усовершенствованнейшей казармы и противобожеской церкви», Ф.А. Степун предостерегает, что как бы это ни было заманчиво, нельзя «отдаваться бесконтрольному прожектерству о грядущей России», основанному на староэмигрантских воспоминаниях и предчувствиях [Там же. С. 17—18]. «Все высказывания о том, куда пойдет Россия, — утверждает этот автор, — должны исходить, во-первых, из анализа того, куда она пришла за годы революции, а, во-вторых, из рассмотрения вопроса, куда идет весь мир и, в частности, Европа, к которой, даже в качестве Евразии, бесспорно, принадлежит Россия» [Там же. С. 18].

Конечно, человеческая история — не равнодушная природа, а общественно-историческая наука — не физика. В природе, исследуемой естествоиспытателями, господствуют закон и порядок, в истории человечества — свобода и зло. Поэтому в естественных науках возможны те точные предсказания, которые, в прин-

ципе, невозможны в науках общественных. При всей спорности этого вопроса анализ грядущих судеб России все же необходим. И хотя точные предсказания здесь невозможны, но сбывшихся пророчеств история человечества знает немалое количество. После того как распятая большевиками Россия «сойдет с креста», перед ней встанут, по мнению новгородцев, две наиважнейшие проблемы: хозяйственная и национальная. При всей равновеликой важности и сложности обеих проблем, нашедших отражение в публикациях новгородцев, следует остановиться на первой из них, так как «единственное, о чем томится вся Россия, это экономическое освобождение» [Там же].

Новгородцы были уверены, что стоит восстановить частную собственность, капитал, рыночные отношения, как «сама хозяйственная стихия, бурно освобожденная от оков, залечит раны коммунизма, быстро повышая уровень благосостояния» [Там же]. Подтверждение своей гипотезы ученый видит в недолгом опыте новой экономической политики. Эффективное хозяйствование может осуществляться только на принципе экономической свободы, поэтому «нет мучительнее вопроса, чем вопрос о свободе в России».

Государство не может быть единственным субъектом хозяйствования, как это сделали большевики. Но и ролью «ночного сторожа» эпохи раннего либерализма государство уже довольствоваться не может. Таким образом, Федотову претят и ничем не ограничиваемый индивидуализм, этатизм; в своих исследованиях он ищет «третью силу», способную начать и осуществлять творческое возрождение России на основе гармонизации свободы и организации [13. С. 433—436].

Особый интерес в этой связи представляют исключительно поучительные и актуальные в настоящее время рассуждения выдающегося русского мыслителя Н.А. Бердяева. Приняв участие в обсуждении вопроса о путях переустройства будущей России, Бердяев высказал убеждение в том, что без восстановления принципа хозяйственной и духовной свободы возрождение страны невозможно. Однако при этом он предостерег от излишнего увлечения этим принципом, который, по его мнению, ни в коем случае не следует фетишизировать. «Нельзя кричать «да здравствует свобода» перед человеком, лишенным хлеба насущного. Мало отвлеченно и формально утверждать свободу и права других людей, всех людей, надо дать людям материальную возможность быть максимально свободным» [1. С. 64]. И Н.А. Бердяев, и Г.П. Федотов, и Ф.А. Степун ищут «третий принцип», «третью силу», которая, по их мнению, кроется в религии, в христианстве, поскольку только в этом «утверждаются одновременно абсолютная ценность личности и абсолютная ценность соборного соединения личностей» [13. С. 437]. Только внутренний процесс религиозного покаяния и духовного возрождения русского народа, полагали новгородцы, приведет к возрождению великой страны.

Близкую точку зрения формулировал и Б.П. Вышеславцев. С его точки зрения, «самым главным» и недостающим звеном общественно-экономического устройства является правильный принцип распределения. Хозяйственная практика, как отмечает Вышеславцев, знает лишь две формы распределения: частнохозяйственная автономия (это — стихийно-случайное распределение, отрицающее какую-либо «плановость») и исходящее из веры в естественную гармонию интересов, постулируемую классической школой политической экономии) и планово-

централизованная система распределения. Эта система исходит из веры во всемогущество Центра, в диктатуру абсолютной плановости, ее способность путем команд и декретов покорить любую стихийность, решить любые проблемы; эта система представляет собой «государственный капитализм» [Там же. С. 43]).

Обе формы распределения получили практическую апробацию. Невероятные усилия русского большевизма по навязыванию России и всему миру второй — коммунистической — системы не увенчались успехом, и он сам был вынужден отступить на позиции свободного обмена, т.е. на позиции первой системы, так же не пользующейся большим уважением Вышеславцева. Но есть, считает он, и третья система, еще не испытанная в больших размерах. Именно ей, по убеждению мыслителя, принадлежит будущее. Третью систему Б.П. Вышеславцев называет социальной и хозяйственной демократией. Это означает, во-первых, сохранение частного предпринимательства (в его терминологии — «патроната») в весьма широких масштабах и допущение лишь в крайних случаях частичной национализации; во-вторых, сохранение свободной конкуренции; в-третьих, разъяснение рабочим смысла и назначения тех «винтиков», на массовое производство которых уходит их время, создание таких условий, в которых они стали бы чувствовать себя предметом заботы и внимания.

Принцип демократии, вопреки словесному смыслу, по мнению Вышеславцева, это не власть народа и не власть большинства. Это, прежде всего, правовое государство и автономия личности, отрицание простого приказа, пассивного повиновения, какой бы то ни было диктатуры. Ценность свободы бесспорна и с христианской точки зрения, поскольку она прямо выросла из христианства. Она, свобода личности, есть ценность, лежащая в основе духовного единства, следовательно, в основе соборности и любви [Там же. С. 46]. Несомненная заслуга автора состоит в том, что объявив свободу и хозяйственную демократию верховными ценностями, носящими общечеловеческий характер, он попытался истолковывать их в русле российских традиций соборности, жертвенности и любви, критикуя не только социализм, но и капитализм.

С христианских позиций подходил к проблеме будущего и Ф.А. Степун. На знамени борьбы за будущую Россию, писал он, должна быть начертана русская идея — идея православной христианской культуры и политики. Иной, по его мнению, нет и быть не может [9. С. 24—25]. Главная задача всего посткоммунистического строительства в России, утверждал мыслитель, «должна заключаться в том, чтобы в муках рожденную трудовую жизнь, в очень большой степени поравнявшую бедных и богатых, знатных и простых, духовно утонченных и малограмотных, не просто отринуть, но, до неузнаваемости повысив ее бытовой и хозяйственный уровень, как-то удержать, как основу новой соборной и универсальной христианской культуры» [Там же. С. 35].

Перед будущей Россией встанут проблемы просвещения, одна из задач которого — возрождение положительного образа русского хозяйственника с моральным «зерцалом», с кодексом чести. Г.П. Федотов поднимает и более широкую тему — культура в будущей России, под которой он понимает «высшие формы духовной деятельности нации» [12. С. 423]. Необходимость организации куль-

туры в освобожденной стране вытекает, по мнению философа, из двух основных и трагических фактов большевистской диктатуры: 1) уничтожения старого образованного класса в России и 2) искусственной «выгонки целого поколения в марксистском парнике» [Там же. С. 379]. Организация русской культуры поэтому и будет означать: 1) воссоздание культурного слоя и 2) выпрямление духовного вывиха целой нации. Что касается первой задачи, то здесь, по мнению Г.П. Федотова, единственной реальной силой остается опять-таки государство, на которое и падает львиная доля в решении задачи воссоздания русской культуры [Там же. С. 380—381].

Таким образом, сменовеховцы, евразийцы, младороссы и новгородцы расходились с программными целями и тактическими установками традиционных политических партий. В отличие от этих партий, оставшихся в понимании происшедших и происходящих процессов в России на старых позициях, представители новых идейно-политических течений стремились открыть иные пути ее исторического развития и возрождения, с учетом изменившихся социально-экономических условий, национально-культурных особенностей.

Найти для России «третий» альтернативный путь исторического развития — в этом заключается основной смысл их научных исканий. Но в решении этих вопросов они придерживались различных платформ.

Для сменовеховцев главным было покаяние, признание и поддержка «нэповского» социально-экономического курса большевиков и сильной государственной власти во имя укрепления России.

В идеологии евразийства была воплощена «русская идея», признававшая самобытность исторического и культурного развития России и ее особое место в мировой истории. Евразийцы выступали за сохранение геополитического пространства России в рамках Евразии с ее многонациональным миром. Они отдавали должное большевикам, сумевшим восстановить и укрепить «Евразию» в форме Союза Советских Социалистических Республик.

Отличительной особенностью мировоззрения младороссов было признание идей социализма гуманными, справедливыми, но не в советской государственной форме их реализации, а в форме социализма кооперативного, акционерного.

Концепция новгородцев отстаивала новый строй хозяйственной демократии, наступление которого зависит от встречи воли и разума людей.

Нельзя сбрасывать со счета и особый менталитет нашего народа. Где бы ни находился русский человек, для него Россия всегда останется Россией, — единственной Родиной с ее многовековой культурой и особыми национальными традициями. Отсюда и особенность русского национального характера — преданность и служение своему Отечеству. Что касается русской послеоктябрьской эмиграции, то по мере осознания утраты своей Родины в ее прогрессивных кругах, независимо от социального положения, пробуждалось и обострялось чувство ностальгии и стремление вернуться в Россию.

В связи с этим в ее среде появляются различные проекты и планы преобразования и путей ее развития. К таким идейно-политическим течениям в русской эмиграции в 20—30-е гг. XX в. и относились сменовеховство, евразийство, младороссы и новгородцы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бердяев Н.А.* Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый град. — 1931. — № 1.
- [2] *Бунаков-Фондаминский И.И.* Хозяйственный строй будущей России // Новый град. — 1931. — № 1.
- [3] *Вышеславцев Б.П.* Социальный вопрос и ценность демократии // Новый град. — 1932. — № 3.
- [4] Евразийство (формулировка 1927 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. — М., 1993.
- [5] Известия ВЦИК. 17 августа 1921 г.
- [6] Оповещение Союза младороссов. — (Париж), 1929. — № 5/6.
- [7] Оповещение Союза младороссов. — 1929. — № 7/8.
- [8] Смена вех. — 1921. — № 1.
- [9] *Степун Ф.* Чаемая Россия // Новый град. — 1936. — № 11.
- [10] *Урханова Р.А.* К критике западной культуры в творчестве евразийцев // Философия России XIX — начала XX вв.: преемственность идей и поиски самобытности. — М., 1991.
- [11] *Федотов Г.П.* Новый град // Новый град. — 1931. — № 1.
- [12] *Федотов Г.П.* Проблемы будущей России // Современные записки. — 1930. — Т. 43.
- [13] *Федотов Г.П.* Социальный вопрос и свобода // Современные записки. — 1931. — Т. 47.

IDEOLOGICAL-POLITICAL MOVEMENTS OF THE RUSSIAN EMIGRATION OF THE BEGINNING OF XX CENTURY

G.V. Zhdanova

Department of Philosophy for Faculty of Natural Sciences
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, Uchebnyy Korpus 1, Russia, Moscow, 119992

The article analyzes the basic ideas of ideological-political movements of Russian emigration of the beginning of XX century. The author reveals the main principles of basic movements, which were in that time. The article compare the basic ideas of Smenovechovstvo, Eurasian doctrine, «Young Russia» and «New Grad».

Key words: politics, culture, right, emigration, intelligentsia, Eurasian doctrine Smenovechovstvo.